

В прошлой жизни он мог лишь радоваться своей душевной слепоте. Не смысла в людских отношениях, он ничего не замечал, а потому и не чувствовал боли — только глупую, безмерную благодарность.

Но теперь никакой благодарности не осталось. Лу Юйань даже не утруждал себя объяснениями. Он лениво сполз по стулу, прижавшись подбородком к деревянной спинке:

— Неужели Лу Юйнин снова где-то посеял свой ингалятор?

Юйань искренне не понимал, как можно постоянно забывать вещь, от которой зависит твоя жизнь. На его памяти это случалось уже раза три или четыре. В семье Лу у каждого вошло в привычку носить с собой запасной ингалятор для Ниннина. У каждого, кроме Юйаня. Но разве он обязан быть нянькой для этого парня? Что в этом преступного?

Лу Чжэнцин опешил. Он никак не ожидал, что вместо оправданий Юйань сразу переложит вину на Ниннина. Чжэнцин уже посмотрел записи с камер: когда Ниннину стало плохо, он долго бился в дверь к брату, даже разбил напольную вазу в коридоре. Стоял ужасный грохот, но Юйань так и не отпер.

Разве можно было этого не услышать?

Раньше все стычки между сыновьями Чжэнцин списывал на обычные детские ссоры, но произошедшее сегодня переходило все границы. Он догадывался, в чём крылась причина. Совсем недавно Юйань подрался с молодым учителем-стажёром. Ниннин случайно проходил мимо и позже честно рассказал, как всё было: драку затеял Юйань. Из-за этого поднялся шум, и старшего сына временно отстранили от занятий.

Семья Лу испокон веков славилась своей интеллигентностью и уважением к наставникам. Чжэнцин поверить не мог, что его собственный сын окажется способен на такую дикость: проявить вопиющее неуважение к учителю, а после даже не попытаться объясниться, ведя себя совершенно разнузданно.

И хотя пострадавший стажёр уверял, что не держит зла на ребёнка и хочет замять конфликт, Лу Чжэнцин понимал: оставлять это без последствий нельзя. Он велел Юйаню сидеть дома и обдумывать своё поведение. Но кто же знал, что мальчик затаит столь глухую обиду и хладнокровно бросит брата в смертельной опасности?

Впрочем, где-то в глубине души Лу Чжэнцин не был удивлён.

Перед глазами встал день их первой встречи.

Узкий, грязный переулок. Подросток, перепачканный чужой кровью, небрежно вжимает подошвой в раскисшую жижу голову какого-то крашеного хулигана. Грязные брызги летят на его светлые школьные брюки. Чуть поодаль застыли двое старшеклассников со стальной арматурой в руках — они не смеют подойти ближе. Чжэнцин тогда прошёл мимо них и встретился с сыном взглядом.

Глаза мальчика, ещё не остывшего после драки, были ледяными, дикими. Так смотрят молодые хищники, не знающие человеческих законов.

В ту секунду Чжэнцин первым отвёл взор.

А в голове набатом забилась единственная мысль:

«Он ни капли не похож на свою мать».

По дороге из больницы он без конца думал: что он сделал не так? Почему Юйань так отчаянно изводит Ниннина, опускаясь до столь подлых поступков?

Да, мальчик рос вдали от родного дома, но ведь он не голодал. После того как его спасли у реки, его приютила приемная мать. Позже она снова вышла замуж. Отчим, конечно, был человеком грубым, но имел стабильный заработок. Сама же приемная мать показалась Чжэнцину женщиной мягкой и вполне благой.

Но Юйань почему-то не унаследовал от неё ни капли тепла, переняв от отчима лишь самые скверные замашки.

Отец чувствовал себя совершенно беспомощным рядом с вновь обретенным сыном. Соверши такую низость Ниннин или Ванбэй, Чжэнцин, не задумываясь, сурово наказал бы их, вплоть до порки, пока они не вымолили бы прощения. Но перед Юйанем он пасовал. Между ними всегда стояла невидимая преграда, заставлявшая подбирать слова и сомневаться.

Отношения отца и сына строились на холодной вежливости, в них не было семейного тепла. Почти двенадцать лет уличной жизни оставили слишком глубокий след, и вытравить эти привычки за один день было невозможно.

Лу Чжэнцин помедлил, но решил не устраивать сцену:

— Вы с Ниннином оба — дети семьи Лу, — мягко, издали начал он. — Вам нужно заботиться друг о друге.

Общих тем у них не нашлось, и разговор быстро сошёл на нет, оставив после себя лишь неловкое молчание.

Перед самым уходом Чжэнцин повернулся к сыну и как бы между прочим предложил:

— Да, Юйань... Мне звонила твоя классная руководительница. Программа Класса Один даётся тебе тяжело, и это только вредит твоей учёбе. Как ты смотришь на то, чтобы перевестись в другой класс? Подтянешь базовые предметы, а когдакрепишь знания, я помогу тебе вернуться к ребятам.

Он мог закрыть глаза на провинность Юйаня, но он оставался отцом Ниннина и должен был обезопасить младшего сына. После того безобразного скандала со стажёром расселить их по разным классам казалось самым разумным выходом.

Юйань, до этого сидевший неподвижно, поднял голову. Под густыми ресницами блеснули темные глаза:

— Хорошо.

Приготовленные аргументы застряли у Чжэнцина в горле. Он с изумлением уставился на сына, поражённый тем, как легко тот согласился. Его недоумение было вполне объяснимым: до сих пор Юйань с фанатичным упрямством требовал всего, что принадлежало Ниннину. Он дрался за каждую мелочь, стремясь силой или хитростью отобрать чужое — от просторной спальни до одежды брата.

С классом вышло так же. Его успеваемость не шла ни в какое сравнение с успехами Ниннина, но Юйань костями лёг, лишь бы попасть в класс для одарённых детей. Классная руководительница не раз деликатно намекала на перевод: мальчик откровенно не тянул программу, постоянно конфликтовал с одноклассниками и учителями.

Но окончательно Чжэнцин решился только после сегодняшнего случая.

Оставлять их в одном кабинете больше нельзя. Кто знает, что ещё взбредёт в голову этому дикарю? Сегодня приходящая няня успела вовремя, но что случится в следующий раз?

Чжэнцин нахмурился, пряча растерянность:

— Отлично. Я попрошу секретаря Ду уладить всё как можно скорее.

Он добился своего, но радости не испытывал. Навалившаяся усталость проступила на лице Чжэнцина резкими тенями, а в душе заскреблось странное, щемящее чувство. Не выдержав прямого взгляда сына, он отвернулся и неловко добавил, словно пытаясь загладить невнятную вину:

— Если в новом классе тебе будет тяжело, сразу говори мне. Завтра я освобожу утро и схожу с тобой...

Договорить он не успел. В дверях показался взволнованный дворецкий:

— Господин Лу! Планы мастера Яна изменились, он приезжает уже сегодня. Стоит ли нам перенести приветственный ужин на вечер?

Мастер Ян Чунгуй был ключевой фигурой в современном китайском искусстве, ректором Пекинской академии изящных искусств и признанным лидером новой волны живописцев. Его свитки уходили с зарубежных аукционов за баснословные суммы. Последнее время в художественных кругах ходили упорные слухи, что мастер ищет талантливого преемника, чтобы передать ему секреты мастерства.

Вся художественная элита стояла на ушах. И дело было не только в авторитете самого Яна Чунгуя, но и в его учителе — легендарном старце Яне. Работы старца Яня преподносились в качестве дипломатических даров лидерам других государств и украшали лучшие музеи мира. Стать учеником его главного последователя означало мгновенно обеспечить себе блестящее будущее.

Лу Юйнин с ранних лет проявлял незаурядные способности к традиционной технике гунби и уже успел заявить о себе на юношеских выставках. Разумеется, Чжэнцин и Ванбэй делали всё, чтобы проложить ему дорогу в жизнь. Поскольку семья покойной госпожи Лу издавна дружила с семьёй мастера Яна, представился идеальный шанс. Узнав, что Ян Чунгуй приезжает в Южный город раньше срока ради первой выставки бесценного свитка «Снежный путь в холодных горах», Лу Ванбэй через родственников по материнской линии договорился о визите мастера к ним в поместье. Они надеялись, что во время домашнего приема Ниннин сможет показать свои работы и стать последним, закрытым учеником мастера.

К этому событию готовились как к величайшему торжеству. Младший сын неделями не выходил из мастерской. И надо же было случиться беде именно сейчас! Мало того, что Ниннин угодил в больницу, так ещё и мастер Ян перенёс визит на сегодняшний день.

— Кажется, это связано с передачей в дар средней части свитка «Снежный путь в холодных горах», — поспешно добавил дворецкий.

Лу Чжэнцин мгновенно всё понял. Этот шедевр по праву считался вершиной национальной пейзажной живописи. Картина, чья судьба на протяжении веков была неразрывно связана с историей страны, несла на себе автографы величайших поэтов и печати императоров. Увы, в пожаре прошлых войн свиток разделили на три части. Начало свитка хранилось в Национальном музее как священная реликвия, а середина и финал бесследно исчезли. И вот недавно средняя часть неожиданно всплыла в Европе на весенних торгах аукционного дома «Бонхамс». Правительство приложило колоссальные усилия, поручив мастеру Яну провести сложные переговоры и любой ценой вернуть национальное достояние на родину.

Именно Лу Ванбэй помог наладить контакт, выступив посредником. В итоге заветную часть свитка выкупил Мо Иньюэ, наследник Клана Мо из Гонконга — крупнейшего арт-инвестора Азии. Он решил преподнести её в дар Музею Южного города. Передача реликвии требовала

присутствия авторитетного лица, способного подчеркнуть важность события на государственном уровне. Мо Иньюэ приходился родным внуком старцу Яню, так что лучшего кандидата для ведения церемонии, чем мастер Ян, было не найти.

Теперь стало ясно, почему тот так спешил в Южный город.

У Лу Чжэнцина голова пошла кругом. Минутная забота о старшем сыне тут же испарилась, вытесненная тревогой за младшего.

— А что с Ниннином? — нахмурился он.

— Как только молодой господин услышал новость, сразу же выписался, — сокрушённо вздохнул дворецкий.

— Вот глупый мальчик! — Чжэнцин порывисто зашагал к выходу, на ходу раздавая указания: — Как врачи его отпустили? Ему же нужен покой!

Уже в дверях он вспомнил, что не договорил с Юйанем. Обернувшись, он виновато выдавил:

— Юйань... мне нужно идти...

Но фраза так и осталась незавершённой.

Подросток сидел всё в той же позе, безучастно глядя куда-то сквозь пол. Было очевидно, что оправдания отца его ничуть не трогают.

И тут Чжэнцина осенило. Он наконец понял, что всё это время казалось ему странным. Раньше, стоило отцу заговорить с ним, Юйань мгновенно бросал любые дела. Он послушно вставал и ловил каждое слово широко распахнутыми глазами, в которых читалась безграничная преданность. Он силился запомнить, впитать каждую кроху отцовского внимания.

А сегодня...

Сегодня он даже не поднялся со стула.

Лицо Лу Чжэнцина застыло. Сжав кулаки, он молча развернулся и почти бегом спустился по лестнице, точно спасаясь от невидимой погони.

— Господин Лу? — удивился дворецкий его спешке и оглянулся на Юйаня.

В глазах прислуги старший молодой господин всегда выглядел колючим дичком, вечно готовым огрызнуться или полезть в драку. Никто никогда не видел его таким беззащитным. Юйань сидел, уткнувшись лицом в спинку стула. И всё же под тонкой тканью рубашки его лопатки были напряжены. Так затихает перед прыжком загнанный в угол зверёк — уставший, израненный, но не выпускающий из когтей свою крошечную территорию.

В душе старого слуги шевельнулось редкое сострадание. Присмотревшись, он заметил лихорадочный, нездоровый румянец на щеках мальчика. Уж не заболел ли он?

Хотя... Разве господин Лу ушёл бы, если бы сыну нездоровилось? Наверное, показалось. И всё же, выходя, дворецкий тихонько прикрыл за собой дверь, стараясь не шуметь.

Юйяню действительно нужен был покой.

Оставшись один, он попытался собраться с мыслями.

В прошлой жизни Лу Чжэнцин завёл этот разговор чуть позже. Предлог был тот же — якобы Юйань не справлялся с нагрузкой. Тогда он категорически отказался. Шёл уже второй год старшей школы, он только-только привык к преподавателям. Юйань наивно верил, что если приложит больше усилий, то сможет заслужить признание отца и брата. Тот спор закончился затяжной и болезненной ссорой.

Позже, когда Ниннин стал личным учеником великого мастера и забросил обычные уроки, Чжэнцин нанял ему лучших репетиторов на дому, а про перевод старшего сына просто забыл.

Оказывается, уже тогда отец стремился оградить своего любимца от «опасного» родственника. Что ж, тем лучше. Юйаня и самого тошнило от одного вида Ниннина.

При воспоминании о мучительных днях перед смертью его взгляд помрачнел. Здоровье у него никогда не было богатырским, но и на чахлую немощь он не жаловался. Кто бы мог подумать, что он сгорит так рано? Наверное, первые симптомы появились как раз тогда, когда в доме бушевали самые тяжёлые скандалы. Слеплённый обидой и желанием что-то доказать, он проигнорировал звоночки организма и упустил драгоценное время.

Юйань открыл ноутбук и составил письмо юристу своей матери. Когда здоровье Му Сяцин начало сдавать, она поняла, что может не дожить до возвращения похищенного первенца. Собрав остатки сил, женщина методично подготовила всё необходимое: составила завещание и через верного друга-адвоката открыла трастовый фонд. Этих денег должно было хватить, чтобы её мальчик ни в чём не нуждался, даже если вырастет никчёмным бездельником.

В прошлой жизни, когда Юйань съехал из поместья после совершеннолетия, юрист сам разыскал его и помог вступить в права наследования. Благодаря этому фонду ему не пришлось просить у семьи Лу деньги на лечение. На них же он обеспечил безбедную жизнь Ван Жу, маленькому Лэлэ и устроил судьбу Сяо Чоуцзюя — своего Маленького Уродливого Мандарина.

Теперь он не станет ждать. Отправив письмо, Юйань тут же записался на полное медицинское обследование на сегодняшний день.

Пока он собирался, внизу вовсю кипела суета. Все готовились к встрече почтенного гостя. Юйань смутно помнил, что именно сегодня Ниннину улыбнулась удача. Эта встреча перевернула всю его жизнь: мастер Ян случайно увидел один из его набросков, пришёл в восторг и забрал мальчика с собой в Пекин.

Там Ян Чунгуй отдавал ученику всё своё время, делясь тонкостями мастерства.

С этого момента перед Ниннином распахнулись двери в высший свет традиционной живописи. Очаровательный, всеми любимый юноша легко покорял сердца признанных мэтров, влиятельные покровители оберегали его от любых невзгод, и там же он встретил свою судьбу.

Но какое до этого дело Юйаню? Стоило выбросить из головы навязчивое семейство Лу, как чужие триумфы потеряли для него всякий смысл.

В прошлой жизни из-за скандала с переводом он перебрался в школьное общежитие и просто не застал приезда мастера.

А ведь Юйань тоже умел держать кисть. Профессионального образования он не получил, но старик Ли Юэфэн при жизни постоянно заставлял его рисовать контуры.

Когда Юйаня только вернули в семью Лу, он робко заикнулся отцу, что тоже хотел бы учиться живописи.

Но Чжэнцин истолковал эту просьбу по-своему. Он деликатно объяснил, что наставник Ниннина чрезвычайно строг и берёт в ученики лишь тех, к кому лежит душа, а потому предложил Юйаню заниматься с первым учителем младшего брата.

Тот преподаватель оказался высокомерным и раздражительным типом. Стоило Юйаню сделать пару мазков, как старик презрительно фыркнул, заявив, что традиционной живописью нужно заниматься с пеленок, а неучам здесь делать нечего. Швырнув Юйаню пару томов «Слова о живописи из Сада с горчичным зерном», он потерял к нему всякий интерес.

Позже этот горе-учитель прилюдно высмеял приёмы, которым Юйаня обучил старик Ли, обозвав их «кустарщиной безвкусной». Вспылив, Юйань разнёс в пух и прах собственные работы преподавателя, за что был с позором выставлен за дверь. Возвращаться туда он не собирался.

Когда Чжэнцин спросил его, почему он забросил уроки, Юйань лишь равнодушно пожал плечами:

— Да так, просто баловался.

С тех пор отец больше не заводил разговоров о его хобби.

Уходя, Юйань не заметил, как сквозняк подхватил со стола несколько листов тонкой рисовой бумаги с контурными набросками-баймяо, которые он вытащил из дальнего угла ящика, и унёс их в открытое окно.

Внизу, в саду, пожилой садовник подрезал ветви вязов. Заметив упавшие листья, он поднял их и удивлённо оглядел изящные тушевые линии:

— Это ещё что такое?

Подошедшая экономка заглянула ему через плечо и уверенно заявила:

— Наброски молодого господина Ниннина, должно быть, ветром выдуло. Отнеси обратно в его мастерскую, и дело с концом.

Мастерская Ниннина располагалась на третьем этаже, и оттуда нередко уносило недописанные работы. Слуги давно привыкли к этому и просто возвращали их на место.

— А может, лучше спросить у самого молодого господина? — засомневался садовник. — Мне показалось...

— Делай, что говорят, — отмахнулась экономка, забирая у него листы. — Кто в этом доме ещё рисует, кроме него? Больше никому.

Она направилась к дому. Подобное случалось постоянно. Младший барчук трепетно относился к своему творчеству, но порой, увлекшись, оставлял эскизы где попало. Прислугу с первого дня строго наказывали: любую найденную картину бережно возвращать в мастерскую.

Садовник растерянно почесал затылок, глядя вслед уходящей женщине, а затем поднял глаза на третий этаж и тихо пробормотал:

— И всё же... окна в мастерской молодого господина вроде бы закрыты наглухо...